

*«Разрешить нельзя запретить»:
к вопросу об институционализации гендерных исследований
как учебной дисциплины в современной Украине*

Ольга Плахотник

Прежде всего, мне хотелось бы уточнить, что я не считаю процессы институционализации гендерных исследований как учебной дисциплины в Украине уникальными для постсоветского пространства и предполагаю, что в той или иной степени выводы моего анализа могут быть эксплицированы на ситуации в других близлежащих государствах.

Текст состоит из двух частей. В первой его части я собираюсь привести и систематизировать данные некоторых отчетов и исследований, отвечающих на вопрос о том, что происходит в высшем образовании Украины в плане формального (то есть осуществляющегося в рамках учебных курсов высших учебных заведений) гендерного образования. Во второй части я попытаюсь обозначить общие тенденции указанного процесса, сильные и слабые его стороны, противоречия и перспективы.

Следует сразу сказать, что так называемые «гендерные курсы» в украинской высшей школе – это большая козырная карта в игре под названием «гендерная политика». Какой бы критике не подвергалось «гендерное ничегонеделание» в различных областях социальной и политической жизни Украины (крайне гендерно-несбалансированный парламент, гендерная дискриминация на рабочем месте, насилие в семье и т.п.), если нужно рапортовать о достижениях – сразу же вспоминают о «гендерных курсах». И действительно, ведь преподают же у нас «гендер» в университетах! И с каждым годом все больше! – утверждают авторы отчетов о внедрении «гендера» в систему высшего образования Украины.

Правда, в изнанке этого замечательного факта существует несколько нюансов, о которых сами преподаватели «гендерных курсов» редко задумываются. Например, очень сложно определить, какое количество «гендерных курсов» преподается в украинских университетах в рамках конкретного учебного года. Некоторые исследователи осмеливаются оперировать цифрами: так, И. Головашенко в 2006 году пишет о том, что в Украине преподается более 130 курсов по гендерной проблематике.¹ Других количественных данных мне найти не удалось.

Однако если говорить только о цифрах, то любой университетский преподаватель знает, сколь недолог может быть век того или иного учебного курса. В последнее десятилетие высшее образование Украины находится в столь глубоком и безнадежном кризисе, что предполагать единожды «возникший» курс надолго вписанным в университетский учебный план, по меньшей мере, наивно. Учебные курсы (особенно не входящие в государственный минимальный стандарт образования – а гендерные курсы, чаще всего, именно таковы), действительно, появляются, но точно так же, возможно, и исчезают после одного-двух семестров их преподавания. Поэтому возникает закономерный вопрос: кто и как «считает» эти так называемые «гендерные курсы»? И какова достоверность этих подсчетов?

Второй нюанс относится не к количественным, а к качественным показателям: даже если «гендерный курс» существует и преподается реально (а не на бумаге и/или в прошедшем времени), то каково его содержание? Каковы теоретические и методологические приоритеты преподавателя в данном курсе?

Вопрос наболелший. Я вижу, как он вспыхивает время от времени (иногда – очень остро!) в дискуссионной рассылке ХЦГИ, на различных конференциях и других обсуждениях внутри гендерного сообщества. На мой взгляд, вопрос этот – логически двусмысленный, способный завести нас в этическую ловушку. Поскольку, когда мы его ставим, в постсоветских условиях он неизбежно обретает следующую риторическую форму, подтвержденную массой дискуссий на эту тему, а именно – стоит ли бороться за «чистоту» гендерных исследований и образовательных курсов? Этическая ловушка и состоит в том, что ответы на этот вопрос амбивалентны. Ведь если «стоит бороться», то как это делать, не продуцируя при этом практики власти/исключения по отношению к «ненастоящим гендерным курсам»? А если не стоит – как позиционировать себя по отношению к тем курсам, которые мы сами считаем симулятивными, или, как назвал кто-то из «борцов за чистоту», «псевдогендерными»? Как минимум: «считать» их или не «считать» в нашем общем и так достаточно проблематичном «гендерном исчислении»?.. Я не хотела бы долго останавливаться на этой теме (неприятно чувствовать себя в ловушке). Хочу только сказать, что даже в тех курсах, которые участвовали, например, во Всеукраинском конкурсе учебных программ по гендерной проблематике и были отобраны как лучшие для публикации в соответствующей книге,² есть весьма проблематичные (с методологической точки зрения) фрагменты или целые программы.³ Что же тогда говорить о программах, созданных «для внутреннего использования» и не выносящихся на суд широкой общественности? А ведь большая доля учебных программ в Украине именно такова: их не публикуют на университетских сайтах (да и не у всех ВУЗов эти сайты имеют нормативный по западным меркам вид), их (обычно) не показывают студентам, а ставящие подпись об утверждении программы вузовские на-

чальники, как правило, понимают в гендерных исследованиях гораздо меньше, чем автор(ы) этих курсов.

Чтобы не быть голословной, приведу несколько примеров. В Украине за внедрение гендерной политики отвечает Министерство по делам семьи, молодежи и спорта (что, кстати, дает возможность Министерству образования и науки практически самоустраниться от гендерной политики в образовании – но это тема уже другого разговора). Поэтому, например, Харьковское областное управление по делам семьи, молодежи и спорта раз в год собирает информацию о «внедрении» гендерной тематики в деятельность всех вузов города Харькова – в том числе и о том, какие «гендерные курсы» преподаются в том или ином высшем учебном заведении. Ознакомившись с коллекцией отчетов за 2008-2009 учебный год,⁴ я обнаружила в ней немало любопытного.

Например, согласно отчету, к «учебным курсам по гендерной тематике» относятся, в числе прочих, такие, как:

- «Социология семьи» (Украинская государственная академия железнодорожного транспорта);
- «Духовное здоровье (мониторинг здоровья)» (Харьковский гуманитарно-педагогический институт);
- «Основы сексологии и сексопатологии» (Харьковский национальный аэрокосмический университет им.Н.Жуковского «ХАИ»);
- «Семейно-бытовая культура и домашняя экономика» (Харьковская государственная зооветеринарная академия)
- и другие.

Тематические блоки по гендерной проблематике «умудряются» включить и такие курсы, как:

- «Латиноамериканский бальный танец и методика его преподавания» (Харьковская государственная академия культуры);
- «Конфликтология (половые отличия)» (Харьковская государственная зооветеринарная академия);
- «Китайский язык: особенности использования графемы «женщина» и «мужчина, человек» (в курсе иероглифики)» (Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С.Сковороды)
- и другие.

Напомню, это только названия курсов и модулей согласно формальному отчету для министерства. В процессе пролистывания этих документов я, признаюсь, прониклась большей симпатией к пустым клеточкам в этом списке, чем к заполненным вышеперечисленными «изобретениями».

Однако, помимо официальных и неофициальных отчетов, есть еще один способ понять, сколько читается гендерных курсов в вузах Украины – спросить у самих студентов. С известными поправками на то, что студенты – это многосоставная социальная группа, такой способ получения информации также необходимо учитывать. Попробуем проанализировать доступные мне данные такого рода исследований.

Так, социологический опрос студентов города Харькова (2009)⁵ показал, что 66% опрошенных никак не сталкивались с гендерной проблематикой в учебных курсах своих университетов. Из числа тех 34% студентов, кто все же обсуждал различные аспекты гендерной проблематики во время обучения в вузе, только 10% указали, что это был отдельный курс, посвященный гендерным проблемам (или более одного курсов). Еще 73% опрошенных указали, что знакомы с гендерной проблематикой благодаря отдельным темам или модулям в рамках более общих курсов (при этом сами темы или количество отведенных на них часов в опроснике не уточнялось), а 23% респондентов обсуждали гендерные проблемы со своими преподавателями вне занятий. Другими словами, простая арифметика показывает: если говорить о так называемых «гендерных курсах» – то есть учебных предметах, полностью сконцентрированных на тех или иных вопросах из области гендерных исследований, то их аудиторией являются порядка 3% всех студентов большого города (в данном случае – Харькова). Порядка четверти всех харьковских студентов хотя бы единожды слышат о гендерной проблематике в рамках курсов по, например, социологии, философии, политологии и т.д.

Поставим вопрос иначе: а каков результат указанных способов «ознакомления» студентов с указанной темой? Что реально знают студенты о гендерной проблематике? В уже упоминавшемся опросе студентам был задан и такой вопрос: «Насколько понятным для вас является значение слова «гендер» в таких словосочетаниях как «гендерная политика», «гендерное равенство»? Ответы распределились классически: 32% опрошенных указали, что они знают и могут объяснить значение слова «гендер»; 38% сказали, что понимают, о чем идет речь, но затрудняются с четким определением; 30% ответили, что не знают значения слова «гендер». Интерпретировать эти данные можно двояко. С одной стороны, если 66% опрошенных не изучают ничего, что связано с гендерной тематикой в своем ВУЗе, но только 30% не знают, что такое «гендер», вывод может быть следующим: нельзя рассматривать университет как исключительный источник информации для студентов по данному вопросу. В то же время социолог И. Даниленко, один из авторов вышеупомянутого исследования, полагает, что ответ респондентов «понимаю, о чем речь, но затрудняюсь с четким определением» на самом деле является свидетельством «замаскированного незнания», нежелания респондентов признаваться в своем «незнании». В этом случае процент опрошенных, осведомленных о гендерной тематике, и количество опрошенных, изучавших гендерную проблематику в вузе, практически совпадают. Отсюда

вывод: именно обучение в ВУЗе можно рассматривать в современной Украине как важный или даже ключевой источник «гендерного знания».⁶

Интересно сравнить эти цифры с данными другого опроса, проведенного среди студентов уже киевских вузов.⁷ Так, 39% юношей и 61% девушек полагают, что они достаточно осведомлены о гендерной проблематике, а основными источниками информации по гендерным вопросам для них являются электронные способы коммуникации: радио, телевидение, Интернет (в равной мере для студентов и студенток); за ними идут публицистика, специальная литература и *системное обучение в ВУЗе*. Иначе говоря, согласно данному опросу, роль университетского образования в гендерном информировании не так уж и велика.

Еще одно исследование (также социологический опрос) проводилось среди студентов двух украинских ВУЗов – Национального университета «Киево-Могилянская Академия» (НаУКМА) и Кировоградского национального технического университета (КНТУ).⁸ На вопрос о значении слова «гендер» утвердительно ответили 62% киевских респондентов и 7% кировоградских. Далее, 98% студентов НаУКМА ответили, что гендерная тематика имеет место в учебных дисциплинах их университета; 92% опрошенных считают, что такие курсы в вузе необходимы. Из числа студентов КНТУ только 1% опрошенных указали наличие в университетском kurikulumе «гендерных курсов» (еще 5% ответили «не знаю»); только 26% респондентов из КНТУ считают, что такие курсы необходимы в их университете. Как указывают авторы упомянутой статьи Н. Приходькина и М. Голубева, «большинство опрошенных студентов НаУКМА имеют хорошие знания о понятиях «гендер», «гендерное равноправие», «гендерная политика», потому что, насколько нам известно, курсы гендерной направленности читаются на кафедрах политологии, филологии, культурологии, философии и истории».⁹

Впрочем, о Киево-Могилянской Академии – разговор особый. По имеющейся у меня информации,¹⁰ здесь студентам предлагается широкий выбор элективных курсов по гендерной тематике: «Введение в гендерные исследования», «Маскулинность и мужские исследования», «Гендер и политика», «Гендерный анализ украинского общества: социологический аспект» и другие. В 2009 году в НаУКМА наконец-то стартовала сертификатная программа «Междисциплинарные гендерные исследования» для магистров всех специальностей с очень симпатичным набором гендерных и феминистских курсов. Справедливости ради необходимо упомянуть и другие украинские университеты, где создано и преподается много гендерных курсов, базированных на западных моделях преподавания: Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Львовский национальный университет им. И. Франко, Киевский национальный университет им. Т. Шевченко и другие. Но поскольку данный текст – это не отчет «для министерства», а попытка исследовательского анализа, я позволю себе прекратить перечислять «заслуги» и попытаюсь сконцентрироваться на проблемах

и противоречиях в сфере гендерного университетского образования.

Как было отмечено выше, большинство исследователей считают процесс «внедрения» гендерной тематики в учебные планы украинских университетов более или менее успешным. Однако фиксируются и проблемы: так, Н. Приходькина отмечает, что создание новых курсов по гендерной тематике является результатом не общей государственной образовательной политики, а, скорее, частной инициативы отдельных преподавателей-энтузиастов; отношение же администрации к этим инициативам варьируется от положительного до равнодушного.¹¹ Другая украинская исследовательница И. Головащенко указывает в числе ключевых проблем развития гендерного образования в вузе недостаточную институционализацию гендерных исследований в системе образовательных и научно-исследовательских учреждений Украины.¹² И это правда: в структуре украинских университетов пока еще нет кафедр по гендерным исследованиям, поскольку «гендерные исследования» как таковые все еще не включены в государственный образовательный стандарт и не утверждены как автономное направление научно-исследовательской деятельности. Еще одна проблема, которую также отмечают обе вышеупомянутые исследовательницы, – что существующие гендерные курсы являются, как правило, «курсами по выбору», а не обязательными. Вот если бы ввести гендерные курсы в обязательную (приоритетную) часть университетских учебных программ, пишут Н. Приходькина и И. Головащенко, тогда гендерное образование в Украине было бы более эффективным, чем сегодня!

Я хотела бы поспорить с идеей «обязательных гендерных курсов»: как известно, большая доля гуманитарных дисциплин в западных университетах состоит из «курсов по выбору», и гендерные исследования здесь не исключение. Поэтому, как мне кажется, неуместность авторитарного «внедрения» гендерного образования в качестве обязательного в Украине также должна быть очевидной.

Что же касается вопроса недостаточной институциональной базы для гендерных курсов, то он представляется крайне важным. Здесь стоит обратиться к опыту страны, где проект внедрения гендерного знания в университетское образование можно считать успешно состоявшимся – США. Как справедливо указывает Е. Ярская-Смирнова,¹³ началом развития гендерных исследований на Западе можно считать период 1970-1980 гг., ознаменовавшийся стремительным ростом числа *women's studies* как магистерских и *PhD* программ, так и соответствующих исследовательских центров и кафедр в университетах. По словам Ф. Хоув, эволюция и развитие *women's studies* как сферы университетского преподавания являются одним из наибольших достижений женщин в высшем образовании США за последние несколько десятилетий.¹⁴ По свидетельству этой же исследовательницы, между 1970 и 1975 гг. в Америке было открыто 150 новых программ *women's studies*, и столько же – в следующие пять лет.¹⁵ Однако, как уточняет Ф.Хоув, институционализация американских кафедр и

программ *women's studies* оказалась столь успешной в упомянутый период времени, поскольку сопровождалась другими важными процессами. Первым можно считать активное использование профессиональных ассоциаций и их ежегодных собраний для обсуждения гендерных курсов. Внутри ассоциаций создавались комитеты и инициативные группы для исследования статуса женщин внутри академической дисциплины и критического анализа существующих учебных программ. Тем самым эти комитеты сыграли стратегическую роль в развитии *women's studies*, обеспечивая общую поддержку и обмен информацией о преподавании *women's studies*.¹⁶ Кроме того, были напечатаны программы учебных курсов по *women's studies*, а также учредительные документы программ *women's studies* для свободного распространения их на ежегодных встречах профессиональных ассоциаций. Это послужило мощным катализатором роста числа и развития качества учебных курсов в упомянутой сфере.¹⁷

Следующими важными предпосылками становления и институционализации *women's studies* стали: появление научных журналов и учебников по женской и (позже) гендерной проблематике; основание Национальной ассоциации США по *women's studies* (1977); финансирование *women's studies* не только за счет университетских средств, но и за счет частных фондов. В результате, по мнению М. Боксер, к концу 1970-х гг. *women's studies* из маргинальной и не совсем уважаемой сферы преподавания превращаются в стремительно развивающееся направление: к концу 1970-х – началу 1980-х *women's studies* преподавались почти во всех университетах и колледжах, а их общее количество достигло почти 30 тысяч.¹⁸

Возвращаясь к постсоветской (в том числе украинской) практике университетского гендерного образования, стоит внимательнее присмотреться к вышеописанным факторам и предпосылкам. Является ли сегодняшняя постсоветская образовательная ситуация аналогичной той, что имела место в США в 1970-1980-е гг.? Очевидно, нет – несмотря на не столь большой (тридцатилетний) временной разрыв. К сожалению, у нас, насколько мне известно, нет активных и прогрессивных профессиональных ассоциаций ученых-исследователей – а если и есть, то о существовании так называемых «гендерных комитетов» внутри них мне ничего не известно. У нас до смешного мало учебников по гендерным исследованиям и всего один академический журнал *Гендерные исследования*, существующий как часть Сетевого университетского проекта для постсоветского пространства. Однако самые главные отличия находятся еще глубже: в различии политической ситуации, в которой находятся «флагманы» высшего образования – университеты. Об этом много написано; я бы хотела повторить лишь ключевые моменты.

Во-первых, сама идея университета по-разному воплощена в США, в Европе и в нашей стране (очевидно, и в других постсоветских странах). В частности, украинский философ С. Клепка замечает: «На наш взгляд, университет в полном

смысле этого понятия в Украине не состоялся, поскольку он преимущественно был и остается государственным орудием индоктринации. Государство боялось и боится отпускать университеты с городских центральных площадей в свободные университетские городки, не доверяет им, удерживая в них тотальных контролеров. ... Псевдоуниверситет, направляя социальную энергетику на следование формальным признакам, оказывается основным способом ее блокирования».¹⁹ Поэтому, говоря о столь идеологически ангажированных знаниях, каковыми являются гендерные исследования, мы понимаем, что их развитие возможно только в атмосфере реальных университетских свобод – или, по крайней мере, той степени академической свободы, которая была характерна для эпохи становления и институционализации *women's studies* в США. Во-вторых, следует иметь в виду существование разных типов университетов. Ж.-Ф. Лиотар, например, выделяет так называемую «гумбольдтовскую модель» – то есть такую, где каждая наука занимает свое место в системе, легитимируя определенную систему специализации.²⁰ Такая модель университета всячески сопротивляется разрушительной для себя междисциплинарности, которая характерна и для гендерных исследований. Учитывая тот факт, что практически все украинские университеты являют собой образцы именно гумбольдтовской модели, несложно понять, почему любые междисциплинарные поля знания так сложно «вписываются» в сложившийся университетский порядок. Кроме того, наши университеты, как правило, выполняют роль «ретранслятора» знаний, и не занимаются «производством нового знания» – тем более в столь инновационных областях, как гендерные исследования. Это еще один ответ на вопрос, почему «внедрение» гендерных курсов в украинские университетские учебные планы выглядит пока что процессом искусственным и неэффективным. В-третьих, не стоит забывать, что университеты и проводимая ими политика являются неотъемлемой частью другой – большей – политики. «История организации европейских университетов достаточно четко свидетельствует об одном – помимо выполнения своих профессиональных, функциональных задач, университеты, – как пишет Сергей Ушакин, – изначально являлись объединениями, призванными защищать и выражать интересы своих членов. В организационном плане университеты были далеки от того, чтобы играть роль институтов, не заинтересованных в политических событиях».²¹ И если государственная гендерная политика в Украине имеет ярко выраженный характер, образно говоря, «потемкинской деревни», то совершенно понятно и объяснимо, почему гендерная политика украинских университетов (в том числе формальное гендерное образование) так похоже на «потемкинскую деревню».

В результате вышесказанного я хотела бы сформулировать некоторый итог вышеизложенных размышлений. С одной стороны, кажется, что все обстоятельства против: очень уж отличаются наши университеты от тех, в которых в свое время произошла институционализация гендерных исследований как качествен-

ный сдвиг не только в университетском образовании, но и в общественном сознании в целом. И сколь бы критичным ни был анализ современного состояния гендерных исследований в западных университетах, одно остается фактом: игнорирование в них данной дисциплины уже невозможно. У нас все не так. Однако, с другой стороны, понятно, что путь институционализации гендерного образования в постсоветской академии есть и будет совершенно иным. Более того, он все-таки начался, набирает обороты, и, так или иначе, прогрессирует – вопреки странной политической ситуации, вопреки непоследовательной и часто симулятивной украинской государственной гендерной политике. Остается надеяться, что этот путь не упрется в политический тупик.

-
- 1 І.О. Головашенко, «Гендерний підхід в системі освіти: узгодження національного досвіду з міжнародними стандартами», *Гуманізм та освіта : зб. матеріалів VIII міжнар. наук.-практ. конф., м. Вінниця, 19-21 верес. 2006 р.* (Вінниця: Вид-во ВНТУ «УНІВЕРСУМ-Вінниця», 2006), с.41-43.
 - 2 *Хрестоматія навчальних програм з проблем гендерного розвитку* (К.: ПЦ «Фоліант», 2004).
 - 3 См. мою рецензію на указанну книгу в цьому номері журналу.
 - 4 Я іскренне благодарна директору Харківського ресурсного гендерного центру Т.Исаевой за предоставленну можливість ознайомитися з данною колекцією отчетов.
 - 5 Исследовательский проект «Студенты и студентки о гендерном равенстве» (Харьков, ГИАЦ «Крона», 2009) – в печати. В опросе участвовали 900 студентов – граждан Украины, обучающихся на 1-5 курсах дневных отделений 22 факультетов 15 вузов г. Харькова.
 - 6 Там же.
 - 7 См.: «Асоціація провела круглий стіл з гендерної політики» // http://uass.org.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=256
 - 8 Н. О. Приходькіна, М. О. Голубева, «Стратегії впровадження ідей гендерного підходу в освітню практику ВНЗ України», *Наукові записки*, Т. 71, Педагогічні, психологічні науки та соціальна робота (Національний університет «Києво-Могилянська академія», 2007), с.29-34.
 - 9 Там же, с.33.
 - 10 Я іскренне благодарю старшого преподавателя НаУКМА Т. Марценюк за помощь в сборе материала для этой статьи.

- 11 Н. О. Приходькіна, «Сучасні проблеми гендерної освіти у вищих навчальних закладах України», *Наукові записки*, Т. 47, Сер. Пед., психол.науки та соц.робота, (Національний університет «Києво-Могилянська академія», 2005), с.26-31.
- 12 І. О. Головащенко, «Гендерний підхід в системі освіти: узгодження національного досвіду з міжнародними стандартами», с.41-43.
- 13 Е. Ярская-Смирнова, «Возникновение и развитие гендерных исследований в США и Западной Европе», *Введение в гендерные исследования*, Ч.1: Учебн. пособ./ Под ред.И.А.Жеребкиной (Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб: Алетейя, 2001), с.17-49.
- 14 F. Howe, «Women's Studies in the United States: Growth and Institutionalization» *Women's Studies International: Nairobi and Beyond* (NY: The Feminist Press at the City University in New York, 1991), p.103. Цит. по: Н. А. Кутова, *Вища освіта жінок у США в 70-х роках ХХ – на початку ХХІ ст.: гендерний підхід* (К.: Унів.вид-во ПУЛЬСАРИ, 2008), с.179.
- 15 F. Howe, P. Lauter, «The Impact of Women's Studies on the Campus and the Disciplines», *Women's Studies Monograph Series* (Washington, D.C.: National Institute of Education, 1980), p.4. Цит.по: Н. А. Кутова, *Вища освіта жінок у США в 70-х роках ХХ – на початку ХХІ ст.: гендерний підхід*, с.179.
- 16 F. Howe, «Women's Studies in the United States: Growth and Institutionalization», p.103-121. Цит.по: Н. А. Кутова, *Вища освіта жінок у США в 70-х роках ХХ – на початку ХХІ ст.: гендерний підхід*, с.182-183.
- 17 Там же.
- 18 M. J. Boxer, «Review Essay: For and About Women: The Theory and Practice of Women's Studies in the United States», *Signs*, Spring 1982, №7, p.665. Цит. по: Н. А. Кутова, *Вища освіта жінок у США в 70-х роках ХХ – на початку ХХІ ст.: гендерний підхід*, с.186-187.
- 19 С. Ф. Клепко, *Філософія освіти в європейському контексті* (Полтава: ПОППО, 2006), с.263. (Перевод с украинского О.Плахотник).
- 20 Жан-Франсуа Лиотар, *Состояние постмодерна* (М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998), 160 с.
- 21 С. Ушакин, «Университеты (у) власти», *Гендерные отношения и гендерная политика в вузе: сб. статей*, Под ред. Е. Г. Трубиной, М. А. Литовской (Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003), с.29.